

* * *

Вот фонтанчик. И ныне
проржавевший совсем,
он стоит, темно-синий,
не замечен никем,
у футбольной площадки,
суеты в стороне,
поздней осенью в парке
Пионеров, в стране,
чья гортань пересохла
от привычки молчать.
Твой ровесник, эпоха
пятилеток, - видать,
он тебя пересилил,
пережил, перемог –
и стоит, темно-синий,
навсегда одинок.

В этом парке на склоне
дня, среди тишины,
младший брат Аполлона,
он остался в тени
пионеров из гипса.
Но в глубинах хранит
тайну, полную смысла, -
звучный хор аонид.

...И я помню: однажды
– солнце к полдню плелось –
нестерпимую жажду
утолить довелось
его речью, журчащей
серебристым ключом.
– Пил под зноем палящим
обессловленным ртом.

1991

Первый класс. Мы бросали в окно самолётик бумажный
со звездой на борту, и летел он по небу над скверами,
над домами, над всею страной, и было не важно,
что распался «великий могучий» и что пионерами
мы не станем уже никогда. На засыпанной снегом
спортплощадке мы часто играли в войну после школы.
И упасть, и лежать, и смотреть в снежно-синее небо,
понарошку убитым, казалось тогда по приколу.

В парке им. Первого мая

Небес на сумеречном фоне
– как будто много лет назад –
закрытые аттракционы
печально на ветру скрипят.
Февральский зажигает вечер
сырой фонарь над головой.
Снежинки кружатся навстречу –
и я один иду домой
вдоль облупившихся фасадов,
в ночную темень вперив взор,
а за чугунною оградой
белеет Знаменский собор.
Выходят люди из собора,
где раньше был кинотеатр
«Октябрь». Когда умолкнут хоры
и ангелы уснут, хотя б
на час побыть опять ребенком,
и вместе со своим отцом
прийти сюда смотреть «Кинг-Конга»...
... Вот оборвалась киноплёнка,
а мы ещё чего-то ждём.

Песня еще одной встречи

О.

От площади до общежития –
два шага – подать рукой!
Но мы не торопим события:
все ясно и так, ангел мой.

Из красок осенних сотканный
спит парк Пионеров уже.
Трамвай запоздалый измотанный
застынет на вираже

у мединститута. Прокуренной
ладонью правой руки
(о, как ты сейчас нахмурена!)
коснусь я твоей щеки.

Над нами златисто-матовый
закат проведет черту.
...я строки из Анны Ахматовой
тебе на прощанье прочту.

* * *

Илье Садовникову

С тех пор, как вечный судия...
Лермонтов

Три тени подошли из мрака
к нам с другом с просьбой «прикурить».
Я знал, что точно будет драка,
и ждал, кто первым будет бить.
Но всё закончилось, однако,
как вовсе не могло и быть,

парадоксально, как во сне. На
скамье, среди ночи, впятером –
три курских хама и спортсмена
и мы – все вместе водку пьём.
Ты не поверишь, Мельпомена,
я им стихи читал потом.

Рты удивлённо открывали,
ещё – просили, – почитай,
внимали, полные печали,
а после, спьяну, через край
стакан водяры наливали:
«ну, за поэзию давай».

Я снова пил, читал им снова...
Но ясно мне открылось тут,
что здесь же, завтра же, другого
навряд ли, Боже, не убьют
те, что сегодня верят в слово,
смеются, плачут, руку жмут.

* * *

Бредёт, спотыкаясь, на ватных ногах,
по улице к рынку старуха.
Весь мир перед ней рассыпается в прах
от слабого зренья и слуха.

А в городе – праздник, и люди несут
святую икону к собору,
как будто на завтра грядёт Страшный суд,
всех будут судить без разбору;

как будто бы чудо случится вот-вот –
и всем всё простят и помогут.
...И только старуха, согнувшись, идёт
всё ближе – и к рынку, и к Богу.

* * *

На площади около рынка
был воздух морозен и пьян.
На старой гармошке лезгинку
чумазый играл мальчуган.

И падала звонко монета
на грешную землю слезой.
«Сыграй-ка, пацанчик, поэту,
лихую кабацкую спой».

...сия чтоб звучала музыка,
от холода еле жива,
и чтобы, срываясь до крика,
срамные летели слова

над нищей огромной страной,
где песня – в чём мать родила...
«Сыграй!.. За твоею спиной –
два ангельски белых крыла».

* * *

Вот церковь. Вот Мемориал,
приют последний и причал
погибших моряков.

Не надо плакать, говорить,
мол, пацаны: им жить да жить,
не надо громких слов.

Лежат спокойно моряки.
А рядом – семечки, плевки,
обёртки от конфет,

пивные банки, чёрт возьми.
Гуляют взрослые с детьми.
И смерти вовсе нет.

В могилах, в небе голубом,
на этом свете и на том –
нигде, ни в чём нет смерти.

Вот шар воздушный в небо взмыл.
Резвятся дети средь могил.
Ну что тут скажешь: дети.

Электричка

Ехал я в электричке домой. Вечерело.
За окном проступала декабрьская муть.
Было холодно так, что уже не хотелось
ничего – только б в тёплой постели уснуть.

...Я проснулся за три остановки до Курска.
в под завязку набитом вагоне, пока
электричка стояла на станции тусклой.
И какая-то женщина, лет сорока,
встала с места и, бледная, простоволоса,
вдруг запела, как только мы тронулись в путь, –
«Снегопад, снегопад... Если женщина просит...»
Что-то вдруг обожгло и сдавило мне грудь.

Я спросил: «Кто она?», и попутчик мой нервно
объяснил мне: «Она, сколько ездю, поёт
в этой вот электричке. Актриса, наверно.
Да, поставленный голос её выдаёт.
Хоть и в старом пальто, но опрятно одета...
Две огромные сумки таскает сама...
Говорят, у неё умер муж, или где-то
он пропал, оттого она сходит с ума»

Громыхал и качался вагон переполнен.
Пар оттаявшей речи, шуршанье газет.
Я смотрел на неё, но лица не запомнил,
потому что лица у отчаянья нет.
И казалось, не слышал вагон номер восемь
её тихое пенье под грохот колёс:
«Снегопад, снегопад... Если женщина просит...»
...Не подал, отвернулся: обидно до слёз.

* * *

Залит электричеством каток.
Колет щёки хвойный ветерок.

На деревьях – точно светляки –
вспыхивают лампы-огоньки.

Снег скрипит, искрится синий лёд.
Репродуктор про любовь поёт.

Вечер тает лёгким облаком
в небе, опрокинутом вверх дном.

- Хочешь, сигарету закури.
- Хочешь, сам с собой поговори.

...Зимняя глотает пустота
музыку, слова, пар изо рта.

Песенка

Песенка спета. За это
я благодарен судьбе.
Даже по старым приметам
ты не узнаешь А. Б.

Твой же наивный Андрейка,
как и давным-давно,
сядет на ту же скамейку
в парке Бородино,

где мы когда-то встречались.
Так посмотреть: и сейчас
здесь всё как прежде осталось,
за исключением нас.

И если спросишь ты, многое ль
мне говорит о былом
этот на улице Гоголя
пятиэтажный дом;

в окнах, до боли знакомых,
свет, раздирающий мглу;
твой незатейливый номер
и таксофон на углу;

отблеск багровый заката,
хмурость предзимних небес;
мальчик, который куда-то,
встав со скамейки, исчез –

я не отвечу на это,
как не ответила ты.
Старая песенка спета.
Аплодисменты. Цветы.